
ПСИХОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА

Н. Н. ЗАРУБИНА

ВЛИЯНИЕ ДЕНЕГ НА СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА*

Посвящается памяти
Бориса Сергеевича Ерасова (1932–2001)

На основании методологии, предложенной в работах Г. Зиммеля, З. Баумана, М. Кастельса и др., в статье исследуется влияние разных форм денег и монетарного сознания на социальное конструирование пространства. Деньги рыночного обмена служат одним из средств конструирования локальных пространств и отражают их геоэкономическое, политическое, символическое, социальное единство, в то время как виртуальные деньги глобальной экономики финансов безразличны к реальным пространствам и формируют собственное «пространство потоков» (М. Кастельс). Эти экстерриториальные деньги способствуют выстраиванию новой пространственной перспективы, определяющей переоценку конкретных территорий, их включение в глобальное развитие или исключение из него.

Ключевые слова: социальное конструирование, пространство, деньги, монетарное сознание, социальные сети, локалии, глобализация.

Пространство является не просто объективной формой размещения различных социальных групп, предписывающей им собственную логику развития. Освоенное людьми пространство становится предметом и продуктом социального конструирования, которое состоит в наделении его особыми смыслами, в их контексте оно и предстает как социальное, окультуренное, субъективно осознанное. В разных типах обществ социальное конструирование пространства осуществляется по-разному. Мы сейчас являемся свидетелями и участниками качественно нового этапа социального кон-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (гранты № 10-06-00424-а и 10-06-00434-а).

струирования пространства, обусловленного в числе прочих факторов экономической глобализацией и ее ведущей силой – виртуальными финансами.

На наших глазах реальные пространства, территории с их историческим прошлым, устоявшимся хозяйственным укладом, населением и сложившимся образом жизни реструктурируются под действием логики глобальной экономики финансов. В последние годы в России прямо или косвенно встает вопрос о делении на регионы, входящие и не входящие в глобальную экономику, соответственно имеющие или не имеющие будущее. Давнее противоречие между Москвой и регионами проявляется в форме растущей неприязни к столице и ее жителям как носителям некой «чуждой» для остальной России культуры. В границах традиционных территорий также происходят изменения пространственной локализации социальных групп и институтов: офисы вытесняют объекты социальной инфраструктуры из наиболее удобных мест расположения; памятники истории и культуры уступают место прибыльным торгово-развлекательным центрам; старожилы центральных, наиболее престижных, а значит, и самых дорогих, районов российских городов постепенно перемещаются на окраины; на месте дешевой старой застройки растут новые дома, которые заселяются новым, платежеспособным контингентом. Все это становится предметом конфликтов различной остроты и открытости.

Представляется, что понять эти процессы и предвидеть перспективы их развития возможно не столько в контексте анализа локальных и временных раскладов политических сил и экономического влияния, сколько с точки зрения глобальных процессов социальной трансформации пространства, идущих под влиянием становления глобальной экономики финансов и изменения природы денег.

«Пространство мест» в традиционных и рыночных обществах

В трудах социологов Г. Зиммеля, П. Бурдьё и других содержатся теоретико-методологические принципы социологического подхода к исследованию социальных конструктов пространства. Для современной социологии проблемы конструирования пространства приобрели особую актуальность в связи с глобализацией, которая, собственно, и стала возможной благодаря изменению представлений о пространстве. Теоретико-методологические аспекты социологического исследования этих изменений представлены в работах З. Баумана, Э. Гидденса, М. Кастельса и других.

В теоретической социологии пространства, начиная с Зиммеля, обсуждалось различие между *пространством* и *местом*, а также между «надпространственным» (экстерриториальным) и «непространственным» как универсально-пространственным по аналогии с «вневременным» и «вечным». Одни образования «надпространственны, ибо “по своему внутреннему смыслу не соотносятся с пространством и именно поэтому равномерно соотносятся со всеми его точками”, другие же “имеют равномерное отношение ко всем точкам пространства не в виде равномерного безразличия, но как повсеместно действительную и принципиальную солидарность с пространством”» (цит. по: Филиппов 2003: 71). Теоретически деньги национальных экономик, рынков, формируемых едиными валютами, могут быть рассмотрены как универсально-пространственные, связанные равномерно со всеми точками пространства их действия. А так называемые виртуальные деньги глобальной экономики финансов (см. следующий раздел статьи) принципиально надпространственны в том смысле, что они равномерно безразличны ко всем точкам реальных пространств. Они являются не «глобальными деньгами», связанными в равной степени со всеми локальными хозяйственными системами и выражающими реальное единство мировой экономики, а представляют качественно новый, по существу, экстерриториальный уровень экономических взаимодействий. В теоретической модели исследования наиболее адекватными являются принадлежащие Кастельсу понятия «*пространство мест*» и «*пространство потоков*», означающие соответственно связь социальных акторов с конкретными локальными территориями и с экстерриториальными социальными сетями, образующимися в процессе глобализации (Castells 1989; Кастельс 2000).

В традиционных обществах пространство так же, как и время, осознается в его соразмерности человеку: не существует универсальных и объективных единиц измерения и членения пространства, линейной перспективы, формируемой сторонним наблюдателем. Человек и локальный социум отождествляют себя с обживаемым конкретным пространством, разделяют его черты и свойства. Пространственная локализация и автохтонность являются важнейшими аспектами идентичности. С локальным пространством соотносятся натуральное хозяйство с встроенными и подчиненными элементами рыночной торговли и товарного производства, а также *локальные деньги как опосредствующие абстракции обмена, средства платежа и накопления, выражающие не только экономиче-*

ские, но и локальные социальные отношения в специфическом местном времени. Хозяйственная автаркия, самодостаточность экономических территорий проявляется в изоляции отдельных социальных образований, их жесткой привязанности к *месту*. В традиционных обществах социальные статусы и роли определялись принадлежностью или отношением к местному сообществу, а вовсе не наличием денег или их формой. Переход из одного локального мира в другой был сопряжен с большими трудностями и качественными изменениями всего строя жизни, преодолеть которые деньги не были способны: богатый «чужак» в традиционных сообществах все равно оставался неравноправным.

Именно с этим свойством традиционных локальных *пространств-мест* связаны особенности развития экономики и предпринимательства как социального института и социальной группы: если автохтоны вели хозяйство, ориентированное на удовлетворение потребностей местного сообщества, то извлечением денежной прибыли из хозяйственной деятельности занимались по преимуществу «чужаки». Этот феномен известен социологам и историкам как особая предпринимательская активность этнических и религиозных меньшинств, обусловленная их слабыми социальными связями с местным окружением. Изначально вовлеченные в межличностные связи автохтоны должны были следовать принципам личной лояльности, из которых вытекает позиция «дара» или «услуги», а не эквивалентного обмена, патернализма, не формально-безличных сделок и договоров. Но рыночные обмен и денежные отношения требуют известной свободы и независимости от социальных ограничений, обусловленных автохтонностью. Как отмечает Г. Зиммель, «индифферентная объективность монетарных взаимодействий вступает в непереносимое противоречие с личным характером отношений... Партнерство, необходимое для финансовых взаимодействий, – это партнерство с совершенно безразличным нам человеком» (Simmel 1978: 227).

В то же время именно деньги обусловили приобретение экономически активными меньшинствами, названными Зиммелем «денежными», особых социокультурных свойств, прежде всего их высокой динамичности и мобильности в пространстве. Частые гонения и преследования вынуждали «чужаков» пребывать в любом месте временно и быть готовыми быстро его покинуть. При этом лишь деньги, и никакой другой вид имущества, становились наиболее удобным средством сбережения ценностей. И сама вынуж-

денная мобильность «денежных меньшинств» легко трансформируется в принципиальную *установку на мобильность*, обусловленную различиями локальных условий для ведения финансовых дел и готовностью быстро переместиться туда, где эти условия лучше.

Деньги способствуют коммуникации в пространстве, установлению дальних связей не только потому, что их наличие делает перемещения доступными, но и потому, что они сами перетекают из одного места в другое в соответствии с собственной оценкой локальных пространств, обоснованной распределением капиталов и ресурсов и перспективой их приращения. Та же ориентация на приращение денег заставляет социальных акторов разрывать традиционные автохтонные привязанности и активно перемещаться в пространстве: мобильные деньги рыночного обмена сообщают мобильность и своим хозяевам (Московичи 1998: 415), которые должны теперь видеть мир в новой, специфической «пространственно-денежной» перспективе.

Широко известно замечание Зиммеля о том, что деньги – это родина безродных. Обладание деньгами позволяет изгоям включиться в социальные связи, наладить общение, иначе невозможное. Даже если на общение с подобными меньшинствами наложено табу, если религия или обычай предписывают презирать и избегать их, нужда в деньгах заставляет обращаться к ним и поддерживать с ними отношения. Такие меньшинства остаются на особом положении. Они не могут полностью интегрироваться, раствориться в местном сообществе, поэтому вызывают настороженное и враждебное отношение. В то же время, сосредоточив в своих руках деньги, эти меньшинства становятся жизненно необходимыми для сообщества, хотя их полезность осознается как нелегитимная тайная власть над обществом, которая усиливает страх и враждебность по отношению к ним.

Развитие товарно-денежных отношений способствовало выходу за рамки пространственно локализованных сообществ. Становление символических денег рыночного обмена сопряжено с болезненным для общества разрушением архаичного трайбализма и всех его социокультурных атрибутов. В этой связи интересен вывод К. Поланьи (2002: 75) о том, что локализация товарно-денежных отношений в городах в традиционных обществах служила созданию своеобразных социальных буферных зон, защищавших автаркические сельские общины от разрушительного проникновения денег.

По мере превращения товарно-денежного хозяйства в доминирующее и выстраивания линейной парадигмы времени восприятие пространства также изменяется. Его единство, определяемое ростом масштабов хозяйственных связей, усилило потребность в конвертации локальных валют, что, в свою очередь, породило необходимость введения некоего универсального, фиксированного эталона, которым долгое время являлось золото. Отвлекаясь в данном случае от формы этого эталона, подчеркнем, что он в исторической перспективе товарного хозяйства и рынка *изоморфен объективным механизмам измерения времени и линейной перспективе пространства*. Все эти виды перспективы вводят объективную точку отсчета и задают объективный масштаб, не определяемый никакими конкретными качествами самого измеряемого объекта, а также актора, обстоятельств, целей или объектов его деятельности. Процессы формирования всех этих объективных перспектив происходили более или менее синхронно в эпоху Возрождения, а затем получили развитие в ходе становления буржуазного общества в Новое время (Бауман 2004: гл. 2).

Этот процесс завершился становлением национальных государств как территориальных образований, геоэкономическое единство которых маркируется национальной валютой. Национальная валюта представляет собой не только регулятор рынка, но и воплощение политических, социальных и культурных связей в границах пространства, инструмент осуществления суверенной политики государств. Принадлежность к одному платежному средству связана с чувством социальной сплоченности, основанной на коллективных ценностях – как хозяйственных и экономических (инфраструктура и т. д.), так и социальных и культурных (системы социальной защиты, образования, здравоохранения, безопасности и т. д.), и политических (гражданство) (Аглиетта, Орлеан 2006: 300).

Кроме того, деньги воплощают не только единство хозяйственного пространства, но и единый долг суверенного государства перед его гражданами и в этом смысле становятся символом их коллективной идентичности и общей судьбы, общих тягот и общих ожиданий. Как отмечают М. Аглиетта и А. Орлеан, деньги являются в этом смысле фидуциарными, возможными на основе доверия граждан: «Нет денег без доверия. Даже золото было фидуциарными деньгами. Доверие проистекает из разных источников, которые мы определяем следующим образом: повседневная практика, бдительность регулирующих властей, а также проект общества, предлагаемый гражданам» (Там же: 11).

Пространства, объединенные и маркированные едиными деньгами национальных рынков, уже не являются «естественными» или «соразмерными человеку». Это пространства сконструированные, отграниченные, связанные и иерархически выстроенные в процессе хозяйственной и управленческой деятельности и отвечающие ее целям.

Важнейшим свойством социального пространства является наличие более или менее проницаемой границы. Локальные хозяйственные пространства ограничены не только физически, но и пределами регуляции денежного обращения. Изменения валютных зон предполагают установление или отмену, сужение или расширение границ специфических социальных пространств, объединенных общими деньгами.

Так, возникновение единого европейского экономического пространства – зоны евро – сопряжено не только с формированием общих институтов валютного регулирования, с изменениями в условиях осуществления хозяйственной деятельности, но и с трансформацией социокультурных ориентаций и идентичностей. Границы, соответствовавшие до введения евро пространствам национальных валют стран Евросоюза, обозначали исторически сложившиеся пространства хозяйствования, связанные общими ценностями и нормами, общей ответственностью и доверием. В специфических условиях Европы это были прежде всего ориентации на социальные гарантии населению и обеспечение высокого качества общественных благ.

Исследователи отмечают, что введение евро вызвало рост недоверия к деньгам и неуверенности в будущем, обусловленный не только появлением новых, более либеральных, регулятивных финансово-экономических институтов, но и отсутствием коллективной идентичности и выраженной социальной ориентации у новых денег. Доверие к ним основано главным образом на ожидании будущего роста благосостояния, востребующего и новые формы интеграции – в виде как новых регулятивных финансовых институтов, так и политических институтов общего суверенитета пространства евро (Аглиетта, Орлеан 2006: 318–320).

Финансово-экономический кризис основательно подорвал доверие не только к деньгам вообще, но и к способности общих регулятивных институтов решать реальные социально-экономические проблемы. В условиях угрозы дефолта ряда европейских стран все чаще раздаются призывы к выходу из зоны евро. В Западной Евро-

пе и в США фиксируются попытки создания новых *денежных суррогатов*, имеющих ярко выраженную локальную привязку и предназначенных для того, чтобы обособить местное сообщество и местное хозяйство и защитить их от деструктивных воздействий. Так, в начале 2009 года в США в г. Питсборо начали выпускать альтернативные местные деньги под названием «плэнти» (= приблизительно 90 центов) для поддержания местного малого и среднего бизнеса. Показательно, что на купюре написано: «Мы уповаем друг на друга», явно с целью противопоставить локальную солидарность членов местного сообщества универсально-безличным связям, устанавливаемым национальной валютой, ставшей глобальной: на долларе, как известно, написано: «Мы уповаем на Бога».

Распад рублевой зоны связан с целым спектром экономических, политических и социокультурных проблем утраты общего суверенитета над пространством, разделяемой коллективной ответственности и судьбы. Новые государства, которые ввели национальные валюты, формально обозначили таким образом свой суверенитет над хозяйственными пространствами, но отнюдь не сразу и не везде смогли создать систему ценностей и норм солидарности и доверия, соответствующую новым экономическим и социальным образованиям. Политический распад советской рублевой зоны и утрата многих присущих ей хозяйственных связей парадоксальным образом совпал с реальным притоком трудовых мигрантов, доверяющих российским рублям больше, чем новым национальным валютам.

Следует отметить, что в условиях традиционной автаркии, когда господствовали натуральные отношения, локальные пространства были целостными, хотя и иерархически выстроенными и структурированными: усадьба – деревня, город – замок и т. д. Хозяйствующий и извлекающий выгоду из хозяйствования субъект здесь еще привязан к локальной специфике и зависит от нее. По мере развития рынка и товарно-денежных отношений на фоне формального равенства социальных субъектов их реальное дистанцирование в пространстве увеличивается, поскольку обладание деньгами позволяет быть более подвижным и менее зависимым от пространства. Рынок с доминирующими денежными отношениями выводит на первый план мобильного экономического актора, относящегося к локальным пространствам, прежде всего инструментально и прагматично, поэтому деньги рынка способствуют не столько реальной независимости от локальной территориальной специфики, сколько ее интерпретации в логике распределения

и извлечения капитала. Но все же и в рыночном индустриальном обществе сохраняются пространства, в которых локализованы взаимодействия разных социальных классов и групп, обусловленные разделением ролей в экономической деятельности и денежным обменом. Одним из наиболее социально значимых пространств становится «пространство-место» производства, индустриальное предприятие, а также город как центр развития торговли и индустрии.

Таким образом, можно проследить эволюцию восприятия пространственной локализации и привязанности к «пространству-месту»: в традиционном обществе локальная укорененность рассматривалась как признак если не элитарности, то по крайней мере благополучия; в рыночном обществе локальная привязанность сохраняет свою ценность, однако динамизм и способность к мобильности становятся факторами успеха; в условиях глобализации она претерпевает новые изменения, превращается в «знак социальной обездоленности и деградации» (Бауман 2004: 11).

«Пространство потоков» и виртуальные деньги глобальной экономики

Социальное конструирование физических пространств принципиально меняется в условиях экономической глобализации, прежде всего развития виртуальной экономики финансов. Эти изменения, носящие противоречивый характер, стали предметом исследований ряда ведущих социологов. Суть их выводов состоит в том, что осуществление экономических действий в реальном времени с помощью современных телекоммуникационных технологий снимает и значимость пространств, которые приходится преодолевать. Как подчеркивает Бауман (Там же: 82–83), «все, что способно перемещаться со скоростью электронного сигнала, практически освобождается от ограничений, связанных с территорией, послужившей отправной точкой, конечным пунктом или маршрутом движения». Происходит выстраивание единой перспективы социального пространства, то, что Р. О'Брайен обозначил как «конец географии» (O'Brien 1992). Его суть не только в том, что при современных возможностях телекоммуникации пространство утрачивает прежнее детерминирующее для социальных процессов и отношений значение. Принципиально важным становится то обстоятельство, что в глобальном масштабе пространство структурируется вне зависимости от его локальной специфики, хозяйствующий человек не приспособляется к особенностям наличного пространства,

а стремится реальное пространство выстроить в соответствии с собственной перспективой.

Московичи (1998) вслед за Зиммелем (Simmel 1978) утверждает, что историческую эволюцию денег можно охарактеризовать как последовательные переходы осязаемых форм в символические. Наиболее существенное влияние на трансформацию социальных конструктов пространства, как и времени, оказала сформировавшаяся на рубеже XX–XXI веков двойственность денег: наряду с деньгами реального производства в условиях глобализации возникли виртуальные деньги и виртуальная финансовая экономика. Виртуальные деньги являются деньгами «семиотическими», т. е. информацией, чистыми деньгами-символами, освободившимися от «осязаемой» формы, но и – самое главное – от любой референции в реальной действительности, в том числе и от реальности рынка и меновых стоимостей. Они образуют собственное *виртуальное пространство*, живущее по своим законам и трансформирующее пространство реальное. Экономическая деятельность, ранее тесно связанная с пространственной локализацией и пространственными же связями, на уровне глобальных финансов становится *надпространственной в смысле независимости от конкретных пространств и безразличия к ним*.

На основе движения информации по глобальным сетям формируется «пространство потоков», не зависящее от территориальной локализации и определяемое ведением финансовых (а также маркетинговых и даже производственных) дел на *горизонтальном* уровне *сети*. Кастельс определяет его так: «Существует новая пространственная форма, характерная для социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его: пространство потоков – материальная организация социальных практик в разделенном времени, работающих через потоки». При этом потоки – это целенаправленные, повторяющиеся, программируемые последовательности обменов и взаимодействий между физически разъединенными позициями, которые занимают социальные акторы в экономических, политических и символических структурах общества (Кастельс 2000: 386). Этот уровень характеризуется не территориальной близостью и/или вертикальными иерархическими и управленческими связями, а тем, что связь *внутри* сообщества не имеет никаких преимуществ перед обменом информацией *между* сообществами – и то и другое осуществляется мгновенно (Бауман 2004: 28).

По мнению Кастельса, условием полноценного участия в жизни современного общества является не столько территориальная локализация, сколько включение в сети, способность адаптироваться к логике сети, ее кодировке и декодировке, ее «проходному баллу». Как подчеркивает испанский социолог, «глобальные сети инструментального обмена селективно отключают или подключают индивидов, группы, районы, даже целые страны согласно их значимости для выполнения целей, обрабатываемых в сети, в непрерывном потоке стратегических решений. Отсюда следует фундаментальный раскол между абстрактным, универсальным инструментализмом и исторически укорененными партикуляристскими идентичностями» (Кастельс 2000: 27).

Таким образом, происходит замена прежнего *территориального* принципа организации общества *сетевым*, определяемым не стабильной во времени пространственной локализацией, а коммуникацией и быстро меняющимися интересами. Какому региону развиваться, а какому – приходиться в упадок, будет определять не привязанная к специфике места логика развития, а новая информационная среда, детерминирующая и аккумулирующая все инновационные процессы. «Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяя пространство мест» (Там же: 353). Кастельс (1999) отмечает, что при этом конкретные территории, «локалии», в которых сосредоточены социальные, экономические, политические, культурные и прочие процессы, никуда не исчезают, меняется их структурное значение, при этом происходит консолидация сетевых пространств потоков и разобщение реальных пространств-территорий и людей, связанных с ними.

Глобальное «пространство потоков», связанное с виртуальными финансами, порождает так называемое *исключающее развитие*, под которым подразумевается постоянное реструктурирование территорий и мест под воздействием логики виртуальных сетей, приводящее к исключению целых регионов, а также связанных с ними социальных групп из глобальных взаимодействий. Для России вопрос о перспективных и «неперспективных», развивающихся и «депрессивных» регионах был актуален всегда. Но именно в конце XX века в связи с интеграцией в глобальную экономику встал вопрос о «нужных» и «ненужных» территориях, о фактическом разделении страны на те регионы, которые имеют будущее с точки

зрения их включения в глобальное развитие, и те, которые не имеют будущего и подлежат исключению из него.

Материальными и географическими центрами глобального «пространства потоков» являются, по мнению Кастельса, мегаполисы, представляющие собой не просто места, территории, а, по существу, *процессы*, обеспечивающие движение информации по мировым сетям и генерирующие инновации: «Глобальный город – не место, а процесс, посредством которого центры производства и потребления развитых услуг и местные сообщества, играющие при них вспомогательную роль, связываются в глобальной сети на основе информационных потоков, одновременно обрывая связи с районами, удаленными от промышленного центра» (Кастельс 2000: 363). А поскольку нахождение в сети сближает участников за счет принадлежности к единому «пространству потоков», то большие города, центры финансовой и управленческой деятельности, находятся в едином пространстве, несмотря на территориальное удаление. Неучастие же в сети отдаляет субъекты независимо от их реальной территориальной близости, поэтому мегаполисы как центральные узлы мировых сетей оказываются отделенными даже от своих близких окраин и от периферийных районов в рамках государства и противопоставленными им.

Именно включенность или не-включенность в глобальное «пространство потоков» объясняет обостряющиеся на протяжении последних десятилетий противоречия между Москвой (и несколькими другими крупными региональными центрами, интегрированными в мировые экономические и информационные сети) и российскими регионами. Фактически это означает, что, например, московские биржевые трейдеры *ближе* к своим коллегам на площадках Токио и Нью-Йорка, поскольку находятся с ними в едином пространстве финансовых потоков, чем к жителям деревень Московской или Ивановской областей и даже к московским рабочим или строителям, которые связаны локальными условиями хозяйствования и образом жизни.

При этом не местности с их локальной спецификой определяют характеристики сетей, а, наоборот, функции, выполняемые каждой сетью, определяют характеристики мест, сделавшихся привилегированными функциональными узлами. И каждая сеть определяет свои центры в соответствии с их функциями и местом в иерархии сети (Там же: 387). Это значит, что включение в какую-либо глобальную сеть способно изменить значение, структуру и культуру

попавших в нее обществ. Например, включение какого-либо региона в глобальную энергетическую, сырьевую, научно-инновационную или любую другую сеть формирует специфические стратегии его дальнейшего развития. Они будут определяться не сложившимися особенностями хозяйства региона или потребностями его населения, а внешней логикой сети, в которую он интегрирован. Так, если планируемое «превращение Москвы в глобальный финансовый центр» пройдет успешно, это переопределит логику развития российской столицы и усилит ее противоречия с регионами.

Эти тенденции подтверждаются особенностями современной планировки и архитектуры мегаполисов. На примере развития Москвы в последние 15 лет становится очевидным, что ее уникальный исторический архитектурный облик фактически приносится в жертву ради соответствия универсально-глобальному статусу большого города. Город при этом утрачивает собственное лицо, представляющее ценность с точки зрения сохранения как национальных культурных символов, так и туристической привлекательности. Архитектура деловых центров современных мегаполисов демонстративно лишается каких-либо исторических корней, своей безликостью намеренно подчеркивая отказ от визуальной манифестации принадлежности к какой-либо исторической и культурной традиции (Зарубина 2011: 162–164).

Однако императив «пространства потоков», локальные выражения которого должны обладать набором унифицированных признаков, отвечающих требованиям функциональности, безопасности и комфорта глобальных акторов, сильнее императивов не только национально-культурной самобытности, но и рыночных интересов. Противопоставление «пространства потоков» и «пространства мест» тесно связано с динамикой социального времени. «Пространство потоков» оказывается столь же «вневременным», как и «внепространственным», что обусловлено как возможностями телекоммуникационных технологий, так и вневременным характером виртуального финансового капитала. А «пространство мест» связано с протеканием времени труда, темпоритмом повседневности. В результате «капитал и труд оказываются разнесенными в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни» (Кастельс 1999: 502).

Это приводит к фрагментации ранее целостных и устойчивых социальных образований, имевших выраженную идентичность,

обусловленную единством территории. Причем фрагментация приобретает нелинейную динамику, становится калейдоскопичной и конфликтной: идентичность и интересы внутри сети противопоставляются идентичности и интересам в рамках территориальных образований. Даже формальная принадлежность к единой территории, маркированной общими деньгами, – рублевой зоне, не создает общих интересов и общей ответственности, поскольку те, кто находится в пространстве потоков, реально связаны не с локальными, а с глобальными деньгами. Происходит рестратификация социума не по стабильным и устойчивым объективным признакам, а по условным, меняющимся, субъективным интересам и критериям принадлежности к сети или исключения из нее.

Рестратификация сопровождается разрывами в идентичности и образе жизни социальных групп, относящихся к пространствам потоков и мест. Согласно концепции современности Гидденса, благодаря действию универсальных абстрактных *символических систем*, к которым относятся и современные электронные деньги, происходит «высвобождение» индивида от традиционной локальной пространственной привязанности, а вместе с тем и от «встроенных факторов» социальной регуляции – местных норм, традиций и т. д. В современном мире именно глобальные деньги, а не технические достижения сами по себе позволяют свести к минимуму специфические особенности и значение пространства: принципиально важно не то, за какое время самолет долетает до отдаленной точки на глобусе, а то, есть ли у вас деньги на оплату такого перемещения. Так, активные агенты глобализации – сотрудники транснациональных корпораций, мировых средств массовой коммуникации, общественных организаций, туристы и т. д. – могут себе позволить перемещаться в пространстве, нисколько от него не завися. Благодаря действию символических систем перемещение в самую отдаленную точку Земли теперь не требует смены привычного образа жизни, стандарта потребления, стратегии поведения, понимания проблем местного сообщества и особенностей местной культуры. Находясь в любой точке Земли, социальные носители глобализации продолжают вести космополитический образ жизни, независимый от локальной среды (Бергер, Хантингтон 2004).

Конечно, смысл культурной глобализации в том и состоит, что можно перемещаться в самые дальние и экзотические места, не меняя образа жизни. Однако такая возможность может быть обеспечена только *локальной самоизоляцией* от местной специфики и об-

раза жизни, «от местности, лишенной теперь социального значения, переместившегося теперь в киберпространство... И еще им нужны *гарантии этой изоляции*: иммунитет от местного вмешательства, полная, неуязвимая изоляция, передаваемая понятием “безопасности” самих этих людей, их домов и “игровых площадок”» (Бауман 2004: 34).

Обеспечить же такую изоляцию возможно лишь за счет последовательно проводимой политики сегрегации при формальном признании абсолютного равноправия и равенства возможностей, в том числе права на передвижение. Ее инструментами становятся различные формы борьбы за присвоение физического пространства и вытеснение прежних хозяев, прежде всего через навязывание неприемлемой манеры жить. Как отмечает по этому поводу Бурдьё (1993: 46), «можно физически занимать жилище, но, собственно говоря, не жить в нем, если не располагаешь негласно требуемыми средствами, начиная с определенного габитуса». Так вытесняют прежних обитателей из мест, приглянувшихся новым элитам: жить на Рублевке или в других престижных местах Подмосковья, не располагая при этом соответствующим капиталом, невозможно или весьма трудно и некомфортно. Не только под Москвой и в самой Москве, но и по всей России происходит постепенное изменение мест локализации социальных групп в связи с новой реструктуризацией пространства. В основе этой реструктуризации лежит динамика денег, навязывающая свою логику социальному структурированию и конструированию физических пространств.

Таким образом, основанием свободы от *реального* пространства является возможность пребывания в виртуальном пространстве глобальных финансов, составляющем основу «пространства потоков». Подлинным высшим классом и властной элитой современного общества являются, по мысли Баумана, глобальные инвесторы, обладающие возможностями свободного перемещения своих денег в те пространственные зоны, которые представляются наиболее прибыльными. На первый взгляд этот тезис вполне соответствует рыночной перспективе. Однако на самом деле это не так, ибо пространственная мобильность связана *одновременно* и с оценкой пространства в объективной и универсальной денежной перспективе, и с обесцениванием каждого конкретного локального фрагмента пространства. Акционеры, являющиеся собственниками компании и принимающие основные решения, «нисколько не связаны пространством: они могут купить любые акции на любой бирже через

посредство любого брокера, и при этом географическая близость или удаленность компании явно будет на последнем месте среди соображений, побуждающих их продавать или покупать акции. В принципе, состав акционеров не определяется пространством. Это – единственный фактор, полностью свободный от пространственной предопределенности» (Бауман 2004: 19).

Кастельс предлагает оригинальную терминологическую инверсию: то, что принято называть «реальной экономикой» в противоположность виртуальным финансам – промышленное и сельскохозяйственное производство, сферу услуг, торговлю, транспорт и т. д., – он предлагает называть экономикой «нереальной», поскольку все действительно реальные процессы происходят сегодня именно в глобальных финансах: «В век капитализма сетевых структур настоящая реальность, где делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере. Все другие виды деятельности (за исключением деятельности во все более сокращающемся государственном секторе) выступают либо в качестве основы для получения необходимых свободных средств, которые можно было бы вложить в глобальные финансовые потоки, либо же в качестве результата уже помещенных сюда капиталовложений» (Кастельс 1999: 498).

При этом виртуальные деньги превращаются в знаки, вполне свободные от референции в реальной действительности, поэтому рост виртуальных финансов свободен от необходимости соответствовать росту реального производства и реальной экономики того или иного региона. Напротив, он может быть деструктивен по отношению к экономике и вообще состоянию конкретного локального сообщества. Так, хорошо известно, что виртуальные финансовые игры неоднократно приводили к дефолтам национальных валют, соответственно, падению национальных экономик и уровню жизни местного сообщества, но сами по себе они оказывались весьма прибыльными. Последовавшее за становлением глобальной виртуальной экономики финансов противопоставление «пространства потоков» «пространству мест» вызывает к жизни новые парадигмы политического и социально-экономического развития. Принципиально экстерриториальные, надпространственные деньги способствуют выстраиванию новой пространственной перспективы, определяющей переоценку конкретных территорий, которые могут включаться в глобальное развитие или исключаться из него.

Литература

Аглиетта, М., Орлеан, А. 2006. *Деньги между насилием и доверием*. М.: ГУ ВШЭ.

Бауман, З. 2004. *Глобализация: последствия для человека и общества*. М.: Весь мир.

Бергер, П., Хантингтон, С. (ред.) 2004. *Многоликая глобализация*. М.: Аспект-Пресс.

Бурдьё, П. 1993. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение. В: Бурдьё, П., *Социология политики*. М.: Socio-Logos, с. 33–52.

Зарубина, Н. Н. 2011. *Деньги как социокультурный феномен*. М.: Анкил.

Кастельс, М.

1999. Становление общества сетевых структур. *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология*. М. URL: <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>

2000. *Информационная эпоха: Экономика, общество и культура*. М.: ГУ ВШЭ.

Московичи, С. 1998. Деньги как страсть и как представление. В: Московичи, С., *Машина, творящая богов*. М.: Центр психологии и психотерапии; КСП+.

Поланьи, К. 2002. *Великая трансформация*. СПб.: Алетейя.

Филиппов, А. Ф. 2003. *Теоретические основания социологии пространства*. М.: Канон-Пресс-Ц.

Castells, M. 1989. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring and the Urban-Regional Process*. Oxford: Blackwell.

O'Brien, R. 1992. *Global Financial Integration: The End of Geography*. London: Chatham House Printer.

Simmel, G. 1978. *The Philosophy of Money*. London: Routledge.